

Структура библиотечных классификационных систем. Проблемы общей теории

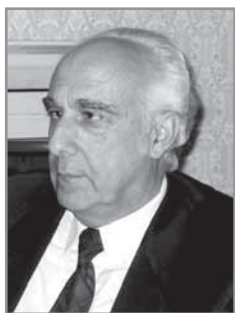
Автор рассматривает принципиальные вопросы построения классификационных систем. Структура системы должна включать в себя подразделения фундаментальных наук (к ним относятся естественные и гуманитарные), прикладных наук и технологий, а также комплекс междисциплинарного и общенаучного знания. В перспективе возможна перестройка основного ряда «новой ББК», в которой будут преодолены имеющиеся противоречия.

Ключевые слова: классификационная система, классификация наук, фундаментальные науки, прикладные науки и технологии, естественные науки, гуманитарные науки, общенаучное знание, междисциплинарное знание.

Все без исключения библиотеки применяют классификационные системы. Прежде всего — для организации своих документальных фондов (я не буду рассматривать электронные ресурсы). Если библиотека предоставляет в общественное пользование документы (а это — основная функция любой библиотеки), то без систематической организации фондов работать невозможно. Не может быть библиотеки, фонды которой были бы «расставлены» в каком-либо формальном порядке, например в алфавитном.

Без курьезов в истории не обходилось. Именно так предполагал расставить фонды своей библиотеки первый директор Национальной библиотеки-абонеента в городке Бостон-Спа (Великобритания). По образованию инженер, он не был знаком с библиотечным делом прежде. Многие проблемы ему казались искусственно придуманными самими библиотекарями. Доподлинно известно, что более или менее удачно удалось расставить в алфавите «первого слова» книги на многих европейских языках (им чаще других оказывалось первое слово заглавия). Но вот с книгами на русском языке ничего не получалось. И не только потому, что графика не совпадала. Просто «первым словом» оказывались закрытые инициалы автора. Только у нас автор печатался на титульном листе над заглавием, да еще с инициалами... Этот случай, похожий на анекдот, на самом деле реален. О нем рассказывала И.В. Морозова, известный библиотечный деятель, которая посетила новую библиотеку и имела возможность встретиться с ее директором и поговорить с ним о библиотечном деле.

Если система расстановки крепостная (в шифре хранения указан, например, номер зала, шкафа, полки и т. д.), то в библиотеке, как правило, есть «оперативная часть», организованная



Эдуард Рубенович Сукиасян,
заведующий сектором главной
редакции ББК —
главный редактор ББК,
кандидат педагогических наук

в систематическом порядке. Исключения понятны. Периодические издания расставлены в фонде, как правило, по формальным признакам: по алфавиту названий, дальше — по годам (или наоборот).

Ясно: таблицы любой библиотечной классификации, например УДК или ББК, являются одним из основных документов, определяющих качество работы библиотеки, позволяющей ей реализовать свою основную функцию. Не зря я написал «одним из». На первое место мне кажется правильным поставить для библиотек России — Российские правила каталогизации (РПК). Зарубежные библиотеки знают, какой свод правил каталогизации для них должен занять первое место. Правила позволяют адекватно представить библиографическую информацию о фондах библиотеки. Без справочного аппарата библиотека не может считаться библиотекой.

Предвижу вопросы читателей и сразу отвечаю: нет, не формат. Тысячи лет библиотеки работали без форматов. По статистике в России компьютеры и электронные каталоги «нашли себе место» пока только в пятой части библиотек (повторю для недоверчивых: в 20%). Процесс идет, но не такими темпами, как нам хотелось.

Другая часть читателей считает, наверное, что не РПК и не таблицы классификации являются главным рабочим документом библиотеки, а, например, ее Устав, какие-либо положения, правила пользования и пр. Наличие такого рода документов не определяет качество обслуживания. Их часто не знают, не видят читатели. А как организованы в вашей библиотеке фонды — видят все. Жаль, что не всегда читатели говорят библиотекарям о своих ожиданиях и реальных наблюдениях. И сами библиотекари их об этом не спрашивают.

Зададим вопрос: фонды в систематическом порядке расставлены в библиотеках по таблицам классификации *чего*? Если мы попробуем сказать друг другу что-то о какой-либо классификации, то обязательно добавим слово или два, поясняя предметную область. Но, говоря об УДК или ББК, мы никаких пояснений не даем. Мы и без пояснений понимаем, о какой классификации идет речь. Но читатели часто этого не понимают.

Перед написанием статьи я обычно провожу «натурные эксперименты». На мой вопрос, поставленный столь прямолинейно, большинство читателей отвечает сразу: «Книг». Действительно, в моей коллекции различных изданий таблиц классификации есть несколько, название которых завершается словом «книг», но с 1927 г. это слово появилось лишь однажды: в 1944 г. Н.В. Русинов назвал свои таблицы «Десятичная классификация книг».

Библиотекари на вопрос «что классифицирует библиотечная классификация?» отвечают иначе: «Науки». Через пару минут (я успею спросить «что это за наука “укладка асфальта”?») собеседники понимают, что далеко не все в таблицах можно отнести к наукам.

Давайте задумаемся — ведь не об абстракциях разговариваем. Вот это, реальное нечто, знакомое всем нам, что это такое?

Аккуратно переписываю определение из «Библиотечной энциклопедии»: «Классификационная система, информ.-поисковый яз. классификац. типа, средство формализованного представления логически упорядоченного множества понятий, представленных в содержании док., данных и информ. запросов посредством кодов (обозначений классов в конкретной системе *индексации*) и наимен. классификац. делений (на естеств. языке). Структура, содержание, индексация К.с. зафиксированы в *таблицах классификации*» [3].

Мне пришлось впервые работать над аналогичным определением в начале 1970-х гг. для статьи в БСЭ: «...классификации библиотечно-библиографические, системы упорядоченного расположения произведений печати (и нек-рых документальных материалов) по классам, подклассам и более дробным подразделениям в логич. последовательности и соподчинении на основе признаков содержания, формы издания, читательского назначения и т. п.» [1].

Через три с лишним десятка лет оказалось, что в системах классификации упорядочены уже не «произведения печати (и нек-рые документальные материалы)», а «понятия, представленные в содержании док., данных и информ. запросов».

Так что говорить надо не о книгах, документах, науках и прочем, а о понятиях, которые сами по себе что-то обозначают.

На сайте «Словари и энциклопедии на Академике» [2] я нахожу большую коллекцию определений и пытаюсь разобраться. Оказывается, что в философии «понятие» — это форма мышления, отражающая существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений. Основная логическая функция «понятия» — выделение общего, которое достигается посредством отвлечения от всех особенностей отдельных предметов данного класса. А в логике — мысль, в которой обобщаются и выделяются предметы некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам. Это из Большого энциклопедического словаря. В Философской энциклопедии «понятие» — общее имя с относительно ясным содержанием и сравнительно четко очерченным объемом, в Толковом словаре — логически расчлененная общая мысль о предмете, включающая ряд взаимосвязанных признаков. Определения из десятков словарей интересны, дополняют друг друга, непротиворечивы. Если отвлечься от «логического расчленения», становится ясно, что на самом деле так и есть: библиотечные классификационные системы есть классификации понятий.

Для того чтобы не утяжелять статью перечнем цитат, их источников, скажу: наши попытки найти ответ на поставленный вопрос в профессиональной литературе в конечном итоге приводят к аналогичным выводам. Как отечественные (Е.И. Шамурин, З.Н. Амбарцумян, Б.Ю. Эйдельман), так и зарубежные классики классификации (Б.В. Сейерс, Ш.Р. Ранганатан) дают разные определения, но в процессе логических преобразований всегда получается одно: в классификационных системах мы видим организованные ряды понятий. Организующую функцию выполняет система обозначений, нотация (у нас она называется индексацией).

Наши изыскания, тем не менее, не дали ответа на поставленный выше вопрос (напомню: «...по таблицам классификации *чего?*»). Действительно, что обозначают понятия, например, «верхнего уровня» любой библиотечной классификационной системы? Ответ «науки» не совсем правильный. Науки пытается классифицировать общая (философская) классификация наук. В библиотечной классификации, говорят нам учебники, мы встречаемся не только с классами, обозначающими науки, но и с классами, предназначенными для литературы универсального характера. И это далеко не все отличия. Никто не сомневается в необходимости класса детской литературы, которая

философов вовсе не интересует, как, впрочем, и литература универсального характера — журналы, энциклопедии и пр. Сделаем предварительный вывод: науки, но не только. Религия, к примеру, не наука. И философия считается «системой взглядов» (хотя есть философские науки).

Однако и нам, библиотекарям, хорошо бы разобраться с понятиями, обозначающими «типологию наук». Мы пользуемся традиционными представлениями (многие из них сложились многие десятилетия назад), часто не задумываясь о том, насколько правильно употребляем те или иные положения. Например, как в УДК, так и в ББК часто встречается понятие *прикладные науки*. К ним мы традиционно относим технику, медицину, сельское хозяйство, иногда называя соответствующие классы «науками» (технические науки, медицинские науки, сельскохозяйственные науки). Если «множество» делится по одному признаку, образуя класс *прикладных наук*, уместен вопрос: какой это признак и какие еще есть «другие» науки, образующиеся по этому признаку?

Не торопитесь отвечать *естественные, гуманитарные*. Это уже другое основание деления. С прикладными науками соотносятся *фундаментальные науки*. Но в библиотечных классификациях вы не встретите такого класса (а литература, тем не менее, есть). Логика построения нарушена (налицо «перескок» на вторую ступень), но с этим нарушением мы свыклись и его не замечаем.

Принятые в литературе определения фундаментальных и прикладных наук используют в качестве отграничивающего признака понятие практической направленности. Фундаментальные науки изучают «наиболее глубокие свойства объективной реальности». Однако совершенно ясно, что прикладные науки также изучают свойства объективной реальности (реально осязаемой и повседневно ощущаемой). Попытки найти в литературе четкие дефиниции фундаментальных и прикладных наук успеха не имели. Большинство авторов создает определения, не найдя отграничивающих признаков.

Получается, что к фундаментальным наукам относятся, например, в ББК: естественные, социальные (общественные), гуманитарные. Более или менее ясно, какие науки относятся к естественным. Отметим, что основной ряд классов естественных наук (математика, механика, физика, химия, науки о Земле, биологические науки) уже два века не вызывает вопросов. Так построен ряд в Десятичной классификации М. Дьюи, в УДК и ББК. Обратим внимание на интересное обстоятельство: ряд наук, предложенный Ф. Энгельсом (по единому основанию деления, с усложнением на каждом этапе изучаемой формы движения материи), в пределах естественных наук точно совпадает с тем, что мы видим в УДК и ББК.

Проблемы возникают, когда мы начинаем рассматривать социальные (общественные) и гу-

манитарные науки. Многие из нас так хорошо учились, что не могут себе представить, что общественные науки в зарубежном мире и есть гуманитарные. В большинстве стран вообще не знают, что такое «общественные науки» — равно так же, как мы не можем себе представить, чтобы ведущее (в идеологическом плане) учебное заведение СССР могло бы называться Академией *гуманитарных* наук при ЦК КПСС. Вопрос о том, когда в СССР произошло разделение наук на общественные и гуманитарные, никто толком не исследовал.

В зарубежном науковедении фундаментальные науки делятся на естественные и гуманитарные. Последние включают в себя и все те подразделения, которые в нашей стране по традиции относятся к классу социальных (общественных) наук. Попытки начать дискуссию с крупнейшими специалистами в области библиотечной классификации на конференциях Международного общества по организации знаний (ИСКО) мною предпринимались неоднократно: в 1990 г. в Дармштадте (Германия), в 1994 г. в Копенгагене (Дания), в 1996 г. в Вашингтоне (США). Приходится признать свое поражение: у моих коллег всегда было слишком много аргументов в пользу отнесения политики или экономики, истории или социологии к наукам гуманитарным, а не общественным, социальным, как считаем мы в России.

Логика развертывания основного ряда ББК всегда вызывала уважение. В сравнении с УДК, как сказал однажды известный представитель французской классифициологии Эрик де Гролье (1911—1988), ББК «на 100 очков впереди». Его английский коллега Дуглас Фоскетт (1918—2004) признавал, что ряд в ББК построен даже лучше, чем у Ш.Р. Ранганатана (1892—1972). Но были и вопросы. У всех много вопросов вызывал искусственно образованный комплекс «Культура. Наука. Просвещение». Народное образование, например, везде считается прикладной наукой, так как это технология. Вместе со своей теорией (в виде педагогики) она должна занять свое место в прикладных науках. Ведь там тоже, говорили мне коллеги, не только и не столько науки, сколько технологии, в нескольких случаях вы не постеснялись применить это слово (например, в ББК есть химические технологии). Но признайте же, говорили мне, что все животноводство или растениеводство — это не науки, а тоже технологии. И в медицине не только науки, но и технологии, просто здесь мы называем технологию «клинической медициной».

Из зарубежных командировок я всегда возвращался с вопросами. Мои коллеги, с которыми я делился сомнениями, говорили: «Давайте займемся делом». «Дело» — это задачи сегодняшнего дня. Так нас воспитали.

Разделы библиотечного дела и библиографии отнесены в комплекс «Культура. Наука. Просвещение» совершенно зря. Во всех без исключения классификационных системах они включены в так называемые общие отделы. Сегодня мы пытаемся поставить и решить вопрос о классе междисциплинарного и общенаучного знания. Мне трудно даже приблизительно оценить мощь сопротивления со стороны некоторых коллег, продолжающих жить по принципу «не было никогда этого в ББК, и не надо этим заниматься!».

Мой большой друг Дуглас Фоскетт прямо предупреждал меня: «Вы еще натерпитесь, принятое решение о месте библиотечного дела приведет к признанию “гуманитарного” начала, в то время как рано или поздно в библиотечном производстве на первое место будут вырываться технические аспекты». Многие годы я не вспоминал об этом. Но факт есть факт: это произошло. И во многом отставание финансирования библиотечной отрасли связано с тем, что для страны мы обеспечиваем «досуг»... За рубежом библиотеки выполняют функцию производительной силы: обеспечивают развитие науки, образования, «отвечают» за интеллект и здоровье населения. За что отвечаем мы?

Надо понять меня: занимая ответственный пост главного редактора ББК, я обязан думать не только о тех проблемах, которые мы будем решать завтра и послезавтра, как говорят военные, в границах тактических

задач. Приходится анализировать стратегические направления нашего развития. Рано или поздно встанет вопрос о разработке новой ББК (ее называли ББК2). Придется изменить основной ряд, делать его более логичным, модернизировать классификационную лексику, назвать науки — науками, а технологии — технологиями, подумать о том, так ли уж важна последовательность делений основного ряда, уйти от скрытого децимализма — наши предшественники построили ряд из 26 букв, а мы вернулись к 9-ти цифрам. Но буквы хорошо видны: мы в рамках старых традиций.

Наверное, еще не пришло время.

Список источников

1. Классификации библиотечно-библиографические // Большая совет. энцикл. — 3-е изд. — 1976. — Т. 23. — С. 268.
2. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http:// dic.academic.ru](http://dic.academic.ru)
3. Сукиасян Э.Р. Классификационная система // Библ. энцикл. / Рос. гос. б-ка. — М. : Пашков дом 2007. — С. 488—489.

УДК 02(470+571)(092) Сукиасян Э.Р.
ББК 78.3г(2)6д Сукиасян Э.Р.

«Будь искренен и честен»*. К 75-летию Э.Р. Сукиасяна

Эдуард Рубенович Сукиасян — человек, чье значение для библиотечного дела трудно переоценить. Он является одним из крупнейших специалистов постсоветского пространства. Библиотековед, педагог, заслуженный работник культуры, доцент, главный редактор, профессор, классификатор, каталогизатор, автор более 500 работ... Сухие слова, которые можно почерпнуть из многих, в том числе и энциклопедических, источников. Но вряд ли дадут они ответ на вопросы о личности Эдуарда Рубеновича.

Так каков он для тех, кому довелось с ним работать?

Его любят за демократизм, открытость и отзывчивость, уважают за глубину знаний и постоянную готовность ими поделиться, ценят за истинный профессионализм и постоянное стремление двигаться вперед, реализуя поставленные цели, достигая вершин, «на которых еще не бывал».

Он человек, совмещающий в себе ум, талант, эрудированность, авторитетность и истинную, страстную и одновременно нежную любовь к делу своей жизни.

«Учитель, педагог, преподаватель, наставник...» — как часто мы произносим эти слова, не задумываясь. Они обычны для нас. Так же дежурны они для людей, «отрабатывающих преподавательский номер» не по призванию, а потому что «так получилось».

А кто реально имеет право носить звание учителя, наставника?

Вне всякого сомнения, тот, кто, бережно относясь к преемственности в отечественной школе, постоянно сохраняя верность и уважение к своим учителям и предшественникам, «архивирует» их опыт и знания и наслаивает на них все то, что приобрел, открыл, разведает, достиг сам. Безусловно, тот, кто не замыкается на чисто научной работе. Тот, у кого «горит душа делением», кто стремится отдать весь свой опыт, свои знания, кто ищет продолжение в своих учениках.

В течение 30 лет, с 1974 по 2003 гг., Эдуард Рубенович вел преподавательскую работу на Высших библиотечных курсах (ВБК) Российской государственной библиотеки (РГБ).

В его «активе» почти 1100 выпускников! Только вдумайтесь!

«Эрудиция, острый ум, юмор, умение не только увлечь, но и отвлечь аудиторию, достигая лучшего усвоения материала», «четкость изложения», «яркость, обаяние, артистичность», «профессионал, общение с которым делает приятным

* Ш.Р. Ранганатан.